

стихотворения • пьеса • эпиграммы

Валентин
ГАФТ
избранное

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7
Г24

Фотография на обложке:
© Владимир Вяткин, Максимов / РИА Новости

Гафт, Валентин Иосифович.
Г24 Избранное : [стихотворения, пьесы, эпиграммы] / Валентин Гафт. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Поэзия подарочная).

ISBN 978-5-04-103845-8

В книгу Валентина Гафта, известного актера театра и кино, вошли избранные произведения, среди которых — стихотворения, эпиграммы, воспоминания о себе и друзьях, а также пьеса «Мне снился сон». Разносторонне одаренный, он не скреплен правилами и свободен в своем творчестве, что несомненно подкупает своей искренностью и исключительным юмором.

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

© Гафт В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103845-8

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Кто же вы — Валентин Гафт? Неподражаемый актер?! Непостижимый эпиграммист?! Непонятый лирический поэт? И возможно ли, чтобы все эти разноплановые таланты загадочно-счастливо сочетались в одном человеке? Уверен, что этот вопрос в той или иной форме возникает у каждого почитателя разностороннего дарования В. Гафта. Признаюсь, что мне интересно было бы побеседовать с человеком абсолютно безразличным к имени автора этой книги. Пока не приходилось. Да, пристрастия у всех разные: одним больше нравятся эпиграммы, другим кинороли, третьим театральные работы актера. А вот о стихах Валентина Гафта говорят реже. И это понятно: кто ныне бредит стихами, как в далекие шестидесятые?! Не модно! А жаль! На мой взгляд, «тайна Гафта» скрыта именно в его лирическом даре. Все остальное, как ручейки из родника, вытекает из этого главного: комплексы, кажущаяся агрессия, самоирония и набор масок, скрывающих от беглого взгляда истинное лицо страдающего человека.

Мне как поэту прежде всего интересна генеалогия Гафта-стихотворца. Слежу за развитием его творчества без малого сорок лет. Утверждаю, что влияние его поэзии на душевное состояние читателей ничуть не уступает его актерскому обаянию... Да, В. Гафт не профессиональный поэт — и это большой плюс! Ему нет нужды штамповать стихи, чтобы выживать и быть

на уровне сегодняшних стихотворцев, — он абсолютно свободен в своей поэтической стихии. Его новые лирические стихи: «Диван», «Локарно», «Мостовая», «Рахманинов», «Сальери» и др. — говорят о большом потенциале непрерывно развивающегося и нестареющего дарования автора и его творческой зрелости. У В. Гафта есть поэтическая школа, есть свои пристрастия, например Н. Заболоцкий с его «Столбцами»! А поэма-пьеса «Мне снился сон» имеет генетическую связь с гоголевскими «Мертвыми душами», и стихотворение «Гоголь» подтверждает мою догадку.

Надеюсь, что эта книга избранных произведений автора поможет нам приблизиться к разгадке нетривиального образа любимого нами Валентина Гафта!

Валерий Краснопольский

I. НЕ ТОЛЬКО О СЕБЕ

Первые мои воспоминания связаны с пребыванием на Украине у бабушки, примерно в 1940 году. Я сижу где-то во дворе на бревнах, а мама и бабушка идут с рынка и дают мне большой-большой красный помидор. И я ем этот громадный, красный — конечно, немытый — помидор, и сейчас кажется, что таких помидоров я больше никогда не ел.

А родился я в Москве на улице Матросская Тишина. Помню счастливый день, когда мне купили голубой трехколесный велосипед. Погода была хорошая, но я боялся выйти из подъезда, покататься по тротуару вдоль нашего дома, так как там бегала взад-вперед какая-то собака. Потом я осмелел и выходил, но в тот день ездил в коридоре и в квартире.

Хорошо помню наш подъезд и весь пятиэтажный дом. Напротив была психиатрическая больница, справа — тюрьма «Матросская Тишина», слева — рынок, еще левее — студенческое общежитие МГУ. А через дорогу была школа, в которой я потом проучился десять лет и где учились только мальчишки.

Очень хорошо помню день, который мог быть роковым в нашей жизни, в судьбе нашей семьи. 21 июня 1941 года мы должны были ехать на Украину, в город Прилуки. У нас была домработница Галя — чудесная девушка с Украины, помогавшая маме по хозяйству. Тогда было трудно с билетами, и Галя, простояв на вокзале целую ночь, достала билеты, но ее обманули и билеты

были какие-то недействительные. Я впервые услышал тогда слово «аферистка» в доме: говорили, что какая-то аферистка обманула Галю. Поехали на вокзал, поменяли билеты и должны были отправиться на другой день. И вот 22-го, как раз утром, по радио выступил Молотов о том, что началась война. Конечно, тот поезд, на котором мы должны были ехать 21-го, наверняка попал под бомбежку. Такая судьба ждала нас всех.

Все воспоминания и образы тех лет очень отрывочны и бессвязны, так как в начале войны мне не было и шести лет.

Когда началась война, мне казалось, что я буду видеть ее через окно. Там будет забор какой-то, вдоль которого будут ходить пограничники с собаками, и наши с собаками обязательно победят всех немцев, так как я верил, что у нас очень сильные пограничники и замечательные собаки. Но первые впечатления от войны — это очереди в булочных, куда мы ходили с моей тетей Феней, и воздушные тревоги. Нас будили ночью и вели в какое-то сырое подвальное помещение. Трубы, ночь, очень много детей, визг, крики, хочется спать, а ты мерзнешь и трясешься от холода и страха.

В одну из бомбежек бомба упала рядом с нашим домом и попала в магазин, который почему-то назывался женским, и почти все, кто там был, погибли. С тех пор не могу выносить подвалов, потому что они напоминают мне бомбежку, в них пахнет проросшей картошкой и сырой известкой.

Отец сразу ушел на фронт добровольцем, но мне почему-то запомнились проводы моего двоюродного брата — маминого племянника, который также ушел добровольцем в неполные двадцать лет. Он тогда был уже в военной форме, я прижимался к нему, еле доставая лбом до пряжки ремня, а потом убежал в дру-

гую комнату и первый раз в жизни заплакал. Это замечательный человек. Ему повезло, он остался жив, но его под Москвой так шарахнуло, что одна нога сейчас короче и осталось одно легкое. Оба маминых родных брата и сын одного из них пошли на фронт и погибли под Сталинградом. Когда война кончилась, мама несколько лет ходила на Белорусский вокзал в надежде кого-нибудь из них увидеть. Но никто не вернулся.

Первые впечатления от школы, куда я поступил в середине войны, — это очень холодный класс и очень старенькая первая учительница. Вид у нее был какой-то еще дореволюционный: черная шапочка, длиннющий синий халат и пенсне с цепочкой до пояса. В 1943—1944 годах мы всем классом возили на санках ей дрова для печки.

Семья наша была совершенно не театральная. Отец, Иосиф Романович, был удивительно скромным, но сильным и гордым человеком с чувством собственного достоинства. Это был настоящий мужчина, но мне кажется, что жизнь его не состоялась, вернее, не соответствовала его интересной личности. По профессии он был адвокат, прошел почти всю войну и закончил ее майором. Помню, как он с фронта прислал посылку с немецким фонариком, в котором можно было включать то красный, то зеленый свет.

Когда Красная армия перешла на новую форму, отец прислал нам полевые зеленые погоны, а я ими играл, любовался и думал: «Вот какой у меня отец!» — и мысленно прибавлял ему звезды. Потом эти погоны долго-долго хранились у нас в шкафу. В конце войны, после ранения, отца привезли в один из московских госпиталей. Мы долго-долго шли по коридору, и мне было боязно и страшно увидеть его. Мои стра-

хи оправдались, так как у отца ранение было в лицо, почти оторван нос, и он лежал с перевязанной и заклеенной головой. Рядом с кроватью стояла тумбочка, где было много всякой вкусной еды: шоколад, компот, и я с большим аппетитом почти все это съел.

Первое воспоминание, связанное с мамой, весьма курьезно, потому что, когда мы играли в кровати, она вдруг заметила, как у меня на груди, под кожей, что-то бьется. Мама сразу повела меня к врачу, и тот сказал: «Господи, да это же сердце бьется». Еще вспоминаю, как я пришел домой после игры в футбол. Она посмотрела на меня и сказала: «Посмотри, какие у тебя желтые зубы. Ты такой ленивый, что не чистишь зубы. Немедленно начни с завтрашнего дня. Пойди купи щетку и чисти каждый день». Дома я всегда раскидывал, разбрасывал вещи, не убирал за собой, потому что знал — есть мама. Она за мной все подбирала и часто восклицала: «Господи, как же ты будешь жить без меня?» А теперь, когда мамы не стало, я оказался аккуратистом и вспоминаю все, что она мне говорила. Не накапливаю грязную посуду, быстро избавляюсь от нее, не люблю грязный пол, неприбранную постель. Люблю чистые простыни и чтобы в квартире был порядок.

Родители очень своеобразно реагировали на мою артистическую деятельность. Когда я учился в Школьной студии МХАТ, отец говорил мне: «Валя, ну какой ты артист? Вот посмотри на Мишу Козакова, у него и костюм, и бабочка, а ты что? Вот каким должен быть артист». Мама, увидев меня в спектакле «Женитьба Фигаро», сказала: «Валя, ну какой же ты худой!»

И вот война закончилась, и мы все с той же замечательной тетей Феней 9 мая поехали в метро на Красную площадь. Это было прекрасно. Очень много

народу, и все радовались, играли на гармошках, обнимались и целовались, а высоко-высоко над площадью, на аэростате, висел портрет Сталина, освещенный прожекторами. Среди толпы торчали какие-то палки, на которых висели галоши, чтобы потерявшие могли их подобрать. При этом на площади не было никакой давки и всего того, что творилось через восемь лет на похоронах Сталина. Мы ходили его хоронить вдвоем с Володией Кругловым (это очень интересный был тип, и у меня с ним связано много воспоминаний детства, но об этом позже). Мы так и не дошли до Дома союзов, не увидели Иосифа Виссарионовича, так как от этой страшной давки нам удалось спастись в каком-то подъезде, где пришлось переночевать. В те дни многие были затоптаны и задавлены насмерть. Среди них был мальчик из нашей школы — Шляффер.

В студенческом общежитии в мае сорок пятого года вместо студентов разместили наших солдат и офицеров, приехавших из Германии для участия в Параде Победы. Из всех окон торчали фигуры героев-солдат с обветренными лицами, в выжженных гимнастерках, завешанных, как броней, огромным количеством орденов и медалей. Это были победители. Они бросали нам оттуда конфеты в ярких немецких фантиках и очень много бритвенных лезвий.

Один выздоравливающий полусумасшедший из соседней больницы ловил их руками и порезал все пальцы, и ладони у него были в крови. Развеселившиеся солдаты поливали нас в это время водой. Мы хохотали — кончилась война. Так начиналась мирная жизнь.

Многие послевоенные воспоминания связаны с нашим двором, домом и окрестностями, наиболее значительными из которых были студенческое обще-

житие на Стромынке и мой любимый парк «Сокольники», куда мы ходили кататься на коньках и не боялись никаких бандитов, которых, говорили, там было много. У нас и двор на Матросской Тишине был бандитский. Помню их клички: Свист, Аршин, Пигарь... Кстати, с кем ни поговоришь про те годы, у всех были бандитские дворы и все хвалились этим.

У меня не было клички, но я все время пытался с нашими как-то дружить, так как они «держали мазу» за меня, то есть могли защитить и защищали. Я был как бы под опекой, но часто мне хотелось доказать, что я не из трусливых, и выскакивал на стычки, «стыкался» с некоторыми ребятами и домой приходил всегда в синяках, а несколько раз и без зубов.

Когда мне последний раз выбили зуб, я подумал: «Боже, а как же я буду артистом?» Я тогда играл в самодеятельности, и эта мысль уже сидела у меня в голове. Поступать в студию МХАТ я пришел с золотой фиксой, с которой красовался два курса, а потом меня попросили вставить белый зуб, но это было уже позднее.

В самодеятельность я пошел после того, как однажды ночью мне пришла в голову мысль стать артистом. Мне казалось, что проще ничего нет. Это было открытие, и я чуть не закричал: «Эврика!» Боже мой, я наконец открыл, что мне надо делать, я нашел профессию, где ничего не надо знать, а просто выйти и сказать: «Кушать подано!» И будешь артистом, будешь при деле, да еще и деньги будут платить. Но никогда в жизни у меня не было мысли о том, что я буду знаменитым, мне будут хлопать, преподносить цветы, а я буду раскланиваться, играть главные роли, — нет-нет, только не это. Мне казалось, что это легко, а главное, не надо ни математики, ни физики, ни русского

языка — ничего не надо. Вот когда эта мысль меня окрылила, я и подумал о самодеятельности, хотя в театр тогда почти не ходил.

Самое первое впечатление о театре было гораздо раньше, когда мы всем четвертым классом смотрели в детском театре пьесу Сергея Михалкова «Особое задание». Я верил всему, что происходило на сцене. Для меня это не было театром. Плоские декорации, которые изображали зелень, для меня были лесом, который пахнул деревьями, грибами, ягодами и где действительно играли в эту военную игру. Эти переодетые в мальчиков женщины не были для меня артистками, как их называют, травести, — это были настоящие дети. Я не помнил, как все это началось и как все это кончилось, я был там, в действии, но в то время у меня не было мыслей, что я хочу быть артистом. И только потом, когда захотел этого, я вспомнил, как наивно верил в это действо и какое это было потрясение. Я понял тогда, что сюда буду ходить всегда. Это точно так же, как я первый раз снимался в кино в картине «Убийство на улице Данте» и выехал «за границу», в Ригу. Мы с Мишей Козаковым еще были студентами и сидели за столом в ресторане с Ростиславом Пляттом и Еленой Козыревой. Боже мой, как мне нравилось слово «ресторан», как мне нравилась вся еда, тарелки, официанты. И когда на сладкое подали что-то такое белое, я принял это за манную кашу, но когда попробовал, то понял, что я буду есть это всю свою жизнь, по три раза каждый день. Это были взбитые сливки. О господи!

Не знаю, как все, но я очень хотел стать пионером, а позднее — комсомольцем. Мне нужен был комсомольский значок, потому что в театр на вечерние спектакли пускали только после шестнадцати лет, ну